

Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому.

(1853—1857 г.).

Собщила М. Т—ова.

Нѣсколько предварительныхъ словъ.

Предлагая читателямъ «Кіевской Старины» нижеслѣдующія письма Т. Гр. Шевченка, важность которыхъ они сами, надѣемся, оцѣнятъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать предварительно нѣсколько словъ о способѣ, которымъ досталась намъ эта драгоценность, прибавивъ въ нимъ также нѣсколько краткихъ замѣчаній по поводу высказанныхъ уже въ печати мнѣній относительно характера сношеній украинскаго поэта съ ссыльными поляками, друзьями Бр. Залескаго.

Еще лѣтъ девять тому назадъ мы прочли въ одной польской газетѣ извѣстіе о существованіи переписки между Шевченкомъ и Бр. Залескимъ, находившимся тогда въ Парижѣ, переписки, какъ говорилось, интересной какъ для личной исторіи Шевченка, такъ и для характеристики его политическихъ мнѣній. Мы стали принимать мѣры для полученія копій съ этихъ писемъ Шевченка, но это долго намъ не удавалось, такъ какъ, говорили намъ, письма должны были быть напечатаны особой брошюрой въ оригиналѣ (автографически) и польскомъ переводѣ. Два раза появлялось въ печати извѣстіе, что письма Шевченка къ Залескому будутъ напечатаны то польскимъ «Историческимъ Обществомъ» въ Парижѣ, то браковской академіей наукъ, въ руки которой дѣйствительно и переданы были названные письма. Но проходило время, а письма не являлись въ печати. Въ концѣ 1874 г. намъ посчастливилось услышать о названныхъ письмахъ отъ Вл. Д. Спасовича, лично знакомаго съ Бр. Залескимъ. Г. Спасовичъ взялся быть посредникомъ между нами и Залескимъ съ цѣлью получить отъ послѣдняго копій съ писемъ Шевченка. Но каково было наше горе, когда мы узнали отъ г. Спасовича черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, что самъ Залескій уже не знаетъ, гдѣ теперь на-

ходятся письма Шевченка, отправленные имъ въ Краковъ. Но счастью почти черезъ годъ мы получили отъ г. Сласовича вѣсть, что письма отыскались у Игнатія Крашевскаго въ Дрезденѣ, и что послѣдній, съ свойственной ему любезностью, принялъ мѣры къ доставленію намъ точной копій, какъ съ писемъ, такъ и съ примѣчаній къ нимъ Залескаго. Недолго спустя, мы получили эту копію, но тутъ наступили времена, не совсѣмъ благопріятныя всему, что связано съ именемъ Шевченка, и съ письмами послѣднѣе пришлось придержать.

Появленіе книги г. Чалаго: «Жизнь и произведенія Тараса Шевченка», а особенно основаніе «Кіевской Старины», изданія, которое не покусится на мѣсто для напечатанія цѣлымъ писемъ гениальнаго украинца, обнадежило насъ, и мы сочли себя долге не въ правѣ удерживать подъ судомъ имѣющей уже у насъ матеріалъ для біографіи Шевченка, каковой и предоставляемъ въ распоряженіе редакціи «Кіевской Старины» въ точной копій съ копій, доставленной намъ г. Крашевскимъ. Послѣднему, вмѣстѣ съ г. Сласовичемъ, надлежитъ благодарности отъ всѣхъ почитателей Шевченка за ихъ усилія спасти письма нашего Тараса отъ потери и за хлопоты по доставленію копій съ этихъ писемъ въ руки украинца, который почиталъ своимъ долгомъ свято сохранить эту копію и при первой возможности обнародовать ее. Самъ Залескій не можетъ уже принять на себя этой благодарности, такъ какъ уже около двухъ лѣтъ, какъ онъ умеръ. Что стало съ оригиналами писемъ къ нему Шевченка, въ настоящую минуту мы сказать не можемъ. Мы наводимъ теперь о томъ справки, но пока не желаемъ замедлить публикаціи имѣющей у насъ точной съ нихъ копій.

Прочитавъ и ее, всякій убѣдится въ подлинности заключающихся въ ней писемъ, а также въ важности ихъ для біографіи Тараса Григорьевича. Кромѣ ярнаго изображенія его жизни въ Новоцетровскомъ укрѣпленіи, въ письмахъ этихъ содержатся богатые указанія на литературные интересы и на работы Шевченка, какъ живописца въ 1853—1857 гг. Затѣмъ письма эти проливаютъ окончателно точный свѣтъ на характеръ отношеній украинскаго поэта къ польской селянской колоніи въ Привислійскомъ краѣ, о которыхъ доселѣ въ публику пускались весьма невѣрные свѣдѣнія, какъ польскими, такъ и русскими писателями. Такъ еще въ послѣднія минуты жизни и тотчасъ по смерти Шевченка нѣкоторыя польскія газеты дошли до того, что увѣрили, будто Шевченко въ ссылкѣ совершенно отказался отъ своего отрицательнаго взгляда на старую Польшу и даже будто бы перешелъ въ униаты. Подобное-же повторено было одною познанскою газетою и въ 1866 году, причемъ Шевченко представленъ былъ человекомъ, который будто бы послѣ ссылки

усвоить собѣ идеи и стремленія «историческихъ» польскихъ патріотовъ, т. е. сторонниковъ восстановленія Польши въ границахъ 1772 г., если даже не 1648 г. Это измышленіе перенесено было въ польской познавской газетѣ на страницы «Московскихъ Вѣдомостей», которымъ оно оказалось пригоднымъ для ихъ борьбы съ т. наз. «украинофильствомъ».

Тенденціозныя невѣрныя свѣдѣнія эти и имъ подобныя, подтверждаемыя темными слухами о какихъ-то письмахъ Шевченка къ Залескому, повліяли и на новѣйшаго біографа Шевченка, г. Чалаго, у котораго мы встрѣчаемъ слѣдующія строки «...поляки обошли Шевченка... слѣдуя іезуитскому правилу—не пренебрегать никакими средствами, если они ведутъ къ достиженію цѣли, и воспользовавшись довѣрчивостью и простодушіемъ Тараса, Сѣраковскій и Подлевскій задумали изъ малорусскаго народнаго поэта создать украинское знамя и завладѣть этимъ знаменемъ¹⁾. Изъ яраго врага польской національности они хотѣли сдѣлать его ручнымъ и чуть не обратили въ орудіе польской sprawy» (стр. 82).

Эти строки уже вызвали замѣчаніе со стороны рецензента въ «Вѣстникѣ Европы», который не нашелъ никакого іезуитства въ отношеніяхъ оренбургскихъ поляковъ къ Шевченку, а видѣлъ въ нихъ только гуманное сочувствіе къ собрату по участи, къ образованному человѣку, заброшенному въ полудикій край, со стороны такихъ-же изгнанниковъ. И вѣрность этого замѣчанія подтверждается и словами самого г. Чалаго на стр. 87 его книги объ «отрадныхъ минутахъ, проведенныхъ Кобзаремъ въ бесѣдѣ съ умными и образованными товарищами по селѣ».

Наглядное знакомство съ письмами Шевченка къ Залескому окончательно показываетъ всю невѣрность заключеній г. Чалаго о характерѣ отношеній между оренбургскими поляками и Шевченкомъ. Эти отношенія были прежде всего отношеніями «умныхъ и образованныхъ товарищей», которые поддерживали другъ въ другѣ нравственную энергію бесѣдою и трудомъ надъ культурными интересами искусства, литературы. Насколько въ этихъ отношеніяхъ не было національной исключительности, видно напр. изъ того, что поляки доставляли Шевченку сочиненія Гоголя и его біографію,—не говоря уже о томъ, что они переносились съ украинскимъ постомъ по русскіи. Ни одно слово изъ писемъ

¹⁾ Последнюю фразу мы не совсемъ понимаемъ: *малорусскій поэтъ и украинскій поэтъ*—одно и тоже, даже и по смыслу этихъ словъ, какого держите самъ г. Чалаый; *народный-же поэтъ* непременно составляетъ одно изъ украшеній національнаго знамени; изъ Шевченка нечего было дѣлать знамени: онъ былъ уже частью этого знамени. Самъ г. Чалаый говоритъ это и всю свою книгу и эниграфомъ ея, вліявъ у Дидрама, который говоритъ о связи «знамени и народнаго поэта» съ «національною честью».

Шевченка не намебаєть на то, щобъ онъ «ізь яраго врага польской національности» готовъ былъ «обратитися въ орудіє польской справы», если разумѣть подъ этими послѣдними словами возстановленіє стараго польскаго государства въ «историческихъ границахъ».

Прежде всего будетъ невѣрно называть Шевченка «врагомъ польской, да и какой-бы то ни было національности». Въ первыхъ своихъ поэмахъ изъ украинско-козацкой исторіи Шевченко безъ дальнихъ размышленій рисовалъ картины прежней національно-религіозно-сословной борьбы на Украинѣ, но едва только сталъ выходить изъ первоначальнаго, болѣе или менѣе пассивнаго періода своего развитія, какъ сейчасъ же сталъ выше страстей и идей XVII в. Уже въ «Гайдамакахъ», — поэмѣ, которую совершенно напрасно польскіе критики называли «крикомъ вороньяго горла», и въ которой самъ г. Спасовичъ совершенно напрасно видитъ «выдаваніє звѣрства и безчеловѣчности за геройство» (Истор. слав. литер. Пышина и Спасовича, II), Шевченко оплакиваетъ взаимныя кровопролитія поляковъ и украинцевъ и говоритъ:

Болить сердце, якъ згадаєшь:
Старихъ славянъ діти
Випились кровью, — а хто випенъ?
Ксёндзы, іезуиты!

Дальнѣйшее усвоеніє Шевченкоу идей кирилло-меодіевскаго братства съ его всеславянскимъ демократическимъ федерализмомъ еще болѣе развили въ украинскомъ поэтѣ этотъ истинно гуманный взглядъ на польско-украинскія отношенія. Какимъ образомъ поэтъ, написавшій въ посланіи къ Шафарыку слова:

Щобъ усі слав'яне стали
Добрыми братами и т. д.

могъ быть «ярымъ врагомъ польской національности»? Объ отношеніи Шевченка къ полякамъ въ ту пору, о которой говоритъ г. Чалый на 83 стр. своей книги, свидѣтельствуетъ стихотвореніє Тараса Григорьевича къ Бр. Залескому: «Ще якъ були мы козаками» (1839 г.) По своей идее оно ничѣмъ не отличается отъ вышесказанныхъ выше словъ Шевченка въ «Гайдамакахъ» (1841 г.) и «Посланіи» къ Шафарыку (1845 г.). Между прочимъ слѣдующія дальше лисьма служатъ прекраснымъ объясненіємъ къ упомянутому стихотворенію.

ПИСЬМА ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

КЪ СОСЛАННОМУ ТОЖЕ ВЪ СОЛДАТЫ, ВЪ ОРЕНБУРГСКИЙ ЛИНЕЙНЫЙ БАТАЛІОНЪ,

Брониславу Залескому,

писанныя изъ Ново-петровскаго укрѣпленія, построеннаго на восточномъ берегу Касійскаго моря, на полуостровѣ Мангышлакъ ¹⁾.

1.

1853-ій годъ.

Извини мнѣ, друже мой добрый, что пишу такъ мало, не имѣя ни времени, ни мѣста. Благодатное лѣто прошло и унесло съ собою и самую тѣнь чего-то похожаго на свободу; до сихъ поръ еще боится позволить пріютиться мнѣ гдѣнибудь, кромѣ казармъ. Эгоизмъ и эгоизмъ! больше вичего.

Добрый мой друже! получала я съ твоимъ послѣднимъ письмомъ сердцу милія портреты. Безконечно благодарю тебя; я теперь какъ-бы еще между вами—и слушаю тихіе задумчивые ваши рѣчи. Если-бы мнѣ еще портретъ Карла, и тогда-бы я имѣлъ все, что для меня дорого въ Оренбургѣ.

Съ послѣдней почтой послалъ тебѣ *Вайгушею*; пріюти ихъ, если можешь гдѣнибудь, а передъ тѣмъ, какъ пустить ты ихъ въ чужіе люди, здѣлай мнѣ, если это не трудно, фотографическія копіи въ величину обыкновеннаго конверта; мнѣ хотѣлось-бы подарить ихъ А., ей они очень нравятся ²⁾. Я здѣлался настоящій попрошайка, въ каждомъ моемъ письмѣ я чегонибудь пропну у тебя, просто безсовѣстный я! а (кто) совѣстится въ такихъ случаяхъ друга, значить не имѣеть друга: мое такое понятіе о дружбѣ, и это понятіе должно быть общее.

Попробуй, не удастся-ли тебѣ на темномъ фонѣ дѣтскія головки, и чтобъ не искать модели, то посади secondo Цейзика; я такъ люблю дѣтей, что не посмотрѣлся-бы на вѣрный отпечатокъ ангела.

Хорошо-бы было, еслибъ коллекція картинъ Н. Ш. состояла не изъ его собственныхъ произведеній; но на безрыбьи и ракъ рыба:

¹⁾ Напоминаемъ читателю, что онъ пѣхетъ передъ собою точную копію съ тетради приготовленной къ печати самимъ Бр. Залескимъ. Призыванія, какія дальше найдеть читатель подъ текстомъ, сдѣланы также Залескимъ, кромѣ нѣкоторыхъ, прибавленныхъ нами, которыя и отмѣсны нашихъ венецель.—М. Т.

²⁾ Какъ видно изъ дальнѣйшаго, — дева Ускова, коменданта новопетровскаго укрѣпленія, которую дальше Шевченко зоветъ -- Агата.—Т. М.

можетъ быть въ его копіяхъ есть хоть что нибудь похожее на оригиналь, а если и этого нѣтъ, то все таки есть человекъ любящій прекрасное божественное искусство, а между варварами это даръ Божій.

Если въ Запискѣ у Дмитрѣева найдены хороніе естампы новой французской школы, какъ-то Делякром, Делякроа, Ораса Вернье и другихъ, то хорошо скопировать ихъ посредствомъ фотографій, и держи эти копія у себя, смотри, любуйся ими каждый день и каждый часъ: это такъ можетъ научить и образовать вкусъ, какъ никакая многоумная и многоглаголивая эстетика и философія. Великій Брюловъ говаривалъ бывало: „не копируй, а вематривайся“, и я совершенно вѣрю безсмертному Брюлову. Но я кажется взялъ на себя роль профессора, это для тебя только, друже мой милый, потому что въ Оренбургѣ тебѣ и этого нѣкому сказать, а ты такъ любишь прекрасное искусство. Боже мой! когда мы увидимся? когда мы поговоримъ съ тобою, глядя другъ на друга? Неужели все въ лучшему? Нѣтъ, это поговорка близорукихъ.

Я вчера только узналъ отъ Мостовскаго, что Колесинскій въ Оренбургѣ; кланяйся ему отъ меня и отъ Мостовскаго. М. для меня теперь настоящій кладъ: это одинъ единственный человекъ, съ которымъ я на распаху, но о поэзіи ни слова. Странно, человекъ тихій, добрый благородный, безо всякаго понятія о прекрасномъ! Неужели это доля всего военнаго сословія? Жалкая доля!

Мнѣ давно хочется завести переписку съ Совой¹⁾, но не знаю, какъ и начать. По польски я писать не умѣю, а по русски какъ-то не ловко, но на всякій случай сообщи мнѣ его подробный адресъ. Будешь писать ему, кланяйся и цѣлуй его за меня.

Что мнѣ еще написать тебѣ на скорую руку? Кажется, ничего больше, какъ только поцѣлуй широко Михайла²⁾ и Карла³⁾, когда пріѣдетъ.

¹⁾ Польскій поэтъ Эдуартъ Юліановичъ Желгговскій, живущій подъ именемъ Антонія Сова, сосланный на жительство въ Петрозаводскъ, а отсюда переведенный въ Оренбургъ.—Прим. Бр. Залескаго.

²⁾ Михайлъ Оаддѣевичъ Зѣленко, монахъ ордена св. Домьяника, въ тридцатыхъ годахъ префектъ гимназіи въ Литвѣ, сосланный въ Оренбургъ въ 1834 году, впоследствии католическій капелланъ оренб. корпуса. Польскіе извѣстники называли его: *ojciec prefekt*.—Пр. Бр. З—аго.

³⁾ Карлъ, должно быть, Карлъ Ивановичъ Геринъ. У г. Чалого онъ зовется генералъ Геринъ; не знаю, почему въ письмѣ III—ка, напечатанномъ у г. Чалого (стр. 75) К. П. Г. называется «его благородіе».—М. Т.

Подѣлуй руку *ojca prefecta* и если Срединцкій въ Оренбургѣ, поцѣлуй его щиро. — Едѣ Турно и что съ нимъ?.. Прощай, мой единственный друже. Будешь писать Аркадію, цѣлуй его отъ меня. Пиши S. и его цѣлуй и всѣхъ, кто помнитъ обо мнѣ, цѣлуй.

2.

20 мая. 1853.

Благодарю тебя, мой друже, за *Мертвоя души* Гоголя, и за лаконическое посланіе, на которое отвѣчаю тебѣ такимъ и по тѣмъ самымъ причинамъ, т. е. по причинѣ сегодня отходящей почты.

Ты вѣроятно не получилъ еще послѣдняго моего письма и двухъ кусковъ шерстяной матеріи¹⁾, потому что ничего не упоминаешь ни о посылкѣ, ни о письмѣ. Когда получишь, потрудись увѣдомить съ первой-же почтой. Одинъ кусокъ, который ты выберешь, оставь у себя на память обо мнѣ, а другой предложи Бюрю (разумѣется за деньги)²⁾. Прятяфе какъ-то, когда знаешь, что вещь находится у человѣка, занимающаго вещи. А фотографіи непременно здѣлай. Кстати о фотографіи и просишь тебя, когда получишь Михайло фотографическій приборъ, напиши ему или мнѣ о его свойствахъ и его цѣнѣ, и подробный адресъ, отъ кого его выпискать можно, и можно-ли также и отъ кого выписывать химическую бумагу. У насъ, видишь-ли, есть желаніе заняться фотографіей, да не знаю, будетъ-ли толкъ.

Ты мнѣ совѣтуешь не просить многого. И съ самой малой просьбой я не имѣю къ кому обратиться, да и жалѣю; послѣдняя неудача меня такъ озадачила, что я потерялъ всякую надежду хоть на малѣйшее облегченіе моей отвратительной участи; хоть-бы изъ этого гнѣзда проклятаго меня вытянули. Постѣ этой катастрофы... (для меня она дѣй-

¹⁾ На приговорѣ, осуждающемъ Шевченка въ солдаты, было прибавлено: «запретить ему писать, рисовать и пѣть»; потому Шевченко, присылая рисунки свои и акварели Залѣскому, называлъ ихъ шерстяною матерією. За эти рисунки артесть получалъ деньги на чай, табакъ и прочія необходимыя. — Пр. Бр. З—аго. Изъ писемъ Ш—ка, напечатанныхъ у г. Чалаго, не видно, чтобъ ему запрещено было пѣть (Ср. въ книгѣ г. Чалаго, стр. 66).

²⁾ Бюрю — одинъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ въ краѣ; упоминается далѣе съ очень смятатной стороны. — М. Т.

ствительно катастрофа); но я послѣ напишу тебѣ, что со мной случилось, а теперь и мѣста и времени мало, и происшествіе слишкомъ свежо для повѣствованія. И встали о повѣствованіи: по извѣстному адресу отошли только *Варнако*, — *Княгиня* оставь у себя, она уже приготовилась. Какъ-бы ты досталъ карандаши, которые находятся у меня въ пальтѣ въ карманѣ, у Карла. Мяжки, которые ты мнѣ придалъ, или у меня рука очерствѣла. Живъ-ли мой альбомъ чистый у Карла? Возьми его и спрячь у себя.

Прощай, мой искренній друже, кланійся Совѣ, Михайлу и прочимъ. На Варнака напиши Желиховскому, или оставь такъ. Какъ ты найдешь лучше, такъ и дѣлай.

Цѣлую тебя всѣмъ сердцемъ моимъ.

3.

1854. Января.

Радуюсь твоею радостью, друже мой единый! Дай тебѣ Господи увидѣть твою скорбную мать и свою прекрасную родину.

Прости меня, друже мой единый, ежели найдешь письмо мое перекладнымъ и можетъ быть бессмысленнымъ. У насъ сегодня Байрамъ у Ирак. ¹⁾, и я пишу тебѣ далеко за полночь, т. е. часу въ 4-мъ, а въ этомъ часу, я думаю, и у Юнга мысли были-бы не на мѣстѣ. Но это въ сторону, а вотъ въ чемъ дѣло: благодарю тебя сердечно за *Тріо* ²⁾ и проч., благодарю тебя за письма къ Аркадію; благодарю тебя за память о Варварѣ ³⁾, и ежели ты получишь о ней какое-бы то не было извѣстье и векорѣ сообщишь мнѣ, то я тебя не благодарить буду, а боготворить.

Еще разъ благодарю тебя за конію Монаха и—я тебѣ какъ Богу вѣрю—ежели Левъ Филиновичъ ⁴⁾ такой человекъ, какъ ты говоришь, то и ты, и онъ скоро увидите в Акъ Тау и Каро-Тау, ежели не красками, то покрайней мѣрѣ *Сеню*.

Съ того времени, какъ мы разстались съ тобою, я два раза былъ на Ханга-бабѣ, пересмотрѣлъ и перецудилъ все деревья и вѣточки. ко-

²⁾ Ираклій Усковъ, комендантъ новопетр. укр.—*М. Т.*

¹⁾ Акварель Шевченки.—Пр. Бр. 3--ого.

³⁾ Варвара Николаевна Репина.—*М. Т.*

⁴⁾ Должно быть, Бюрно.—*М. Т.*

торами мы съ тобою любовались, и признаюся тебѣ, друже мой, запла-
калъ. Не было съ кѣмъ посмотрѣть на твореніе руки Божей. — вотъ
причина слезъ моихъ: ты быть далеко, близкіе куропатосъ и дикахъ
голубей некали въ полѣ: мнѣ хотѣлося посѣтить Ханга-бабу съ Д. и
Д. тоже хотѣлося, но фонъ-Беръ¹⁾, такой аккуратный нѣмецъ, какого
и въ сердцѣ Германіи рѣдко встрѣтить можно; три дня, говорить,
буду на Мангишлакѣ, т. е. въ Ново-петровскомъ укрѣпленіи: сказать
какъ отрѣзалъ — просто хуже всякаго нѣмца.

Поцѣлуй Карла за меня и скажи ему, что ежели онъ рѣшился
побывать на Сырѣ: то я пойду за нѣжь на Куантъ и на Аму, въ Ти-
бетъ и веюду, куда только онъ пойдетъ.

Съ слѣдующею почтою напиши мнѣ о дѣлахъ Карла, или какъ
ты говоришь при нервомъ добромъ извѣстїи. *Гордана*²⁾ и Сову и
знаю, какъ твое сердце и, спасибо тремъ людямъ, теперь уже не въ
Петрозаводскѣ, которые знали меня лично и не забыли меня, а потому,
что остался одинъ изъ трехъ, посылаю сердечный поцѣлуй, а тѣмъ,
которые знаютъ меня не лично и вспоминаютъ обо мнѣ, тысячу крово-
сердечныхъ поцѣлуевъ и братскую любовь.

Ты говоришь мнѣ о Бѣлозерскомъ и о моей бѣдной *Катеринѣ*,
какъ будто ты ихъ лично знаешь; а коли знаешь, то напиши мнѣ о
Бѣлозерскомъ и о *Катеринѣ*. Мы съ тобою поговоримъ, когда уви-
димся, и тогда я тебя съ ею познакомлю, а *Иглышенка* и Петрова³⁾
забудь и ты такъ, какъ и ихъ не помню.

Алексѣю Ивановичу пожелаю всѣхъ благъ отъ меня въ его новой
жизни: поблагодари его за память обо мнѣ, а ее за копїи съ монаха.

Поцѣлуй Пospѣлова, ежели онъ въ Оренбургѣ (и скажи ему, что
г-жа Юрасова дрянъ, в..... л..... скажи ему, что все это я ему говорю)⁴⁾.

¹⁾ Должно быть, извѣстный академикъ Беръ, изучавшій тогда рыбъ Кас-
пія. Онъ упоминается, какъ знакомый Шевченка въ пьесѣ Нисемскаго, Чалмїи, 93.

²⁾ Пoэма Желиговскаго. Пр. Вр. 3—го.

³⁾ Петровъ — тотъ студентъ, который донесъ на кприло-жеоодіевское братство.
Иглышенко не есть-ли тотъ прап. П—въ, который донесъ въ Оренбургъ, что
Шевченко плуееть? (Ср. Чалаго 75). — М. Т.

⁴⁾ Слова, взятія нами въ скобки, въ нашей копїи перечеркнуты; ибоятно
какъ было и въ подлинникѣ. — М. Т.

Гороповичу скажи, что въ Бельгїи и прославленнымъ художникамъ дѣлать иѣчего,.. въ прочемъ поклонися ему.

Земляка изъ *Талыно* и Михайла земляка С. обними и поцѣлуй такъ, какъ я-бы его поцѣловалъ. Съ Михайловымъ ¹⁾ ты идѣлся мимоходомъ и говорилъ овъ тебѣ *Взятъ съ Киргизомъ* ²⁾ и за то благодарю. Дай Богъ ему всего того, чего онъ самъ себѣ желаетъ, а намъ съ тобою дай Боже еще разъ увидѣться въ этой жизни.

Поздравь Оому отъ меня и извинись за меня, что я ему не пишу съ этой почтой; завтра ученье и карауль, и Алексѣю скажи тоже.

Изъ приказовъ я вижу, что ты назначень въ д. Баталь, а ты примешь, что вскорѣ отправляешься на Сирь, и я не знаю, что думать. Напиши мнѣ, ради святого Бронислава, какъ тебѣ адресовать мои грѣшныя посланія.

Цейзика ³⁾ и Людвига ⁴⁾ поцѣлуй отъ щирого сердца.

Цѣлую руки *ojca prefekta*.

Когда увидишь Оому Лазаревского, отдай ему мою грамотку, и скажи ему, что не было времени больше написать.

Ты мнѣ ничего не пишешь о Аркадіи. Что овъ и что съ нимъ? Пиши ему и цѣлуй его за меня, и скажи ему, чтобы овъ безобязательно адресовалъ свои письма на имя коменданта новопетровскаго укрѣпленія.

Прощай, не забывай. III.

4.

6-го Іюня. 1854.

Витаю тебе, друже мій, Богу милый! Витаю тебе на лонѣ дѣвственной, торжественно прекрасной природы ⁵⁾! Много-бы и много молитвъ сердечныхъ послалъ бы я ко престолу живого Бога за одинъ часъ, проведенный съ тобою въ дремучемъ сосновомъ лѣсу, подъ темной тѣнью широколѣвистой, мрачной, какъ дума Оссеіяна, ели. Хорошо и,

¹⁾ Извѣстный потомъ писатель, оренбуржець розомъ, сосланный въ Сибирь.
М. Т.

²⁾ Vas-relief произведеній Шевченки изъ гипса. Пр. Бр. 3—аго.

³⁾ Полякъ, аптекаръ въ Оренбургѣ Пр. Бр. 3—аго.

⁴⁾ Людвигъ Сигизмундовичъ Турно, сосланный въ солдаты, сынъ полковника Турно.—Пр. Бр. 3—аго.

⁵⁾ Письмо писанное въ богослоскїе заводы, въ сѣверномъ Уралѣ, куда За-лескїй былъ переведенъ по производствѣ въ офицеры. Пр. Бр. 3—аго.

Боже милый, какъ хорошо прошло-бы этотъ часъ съ тобою вместе. Ми-бы выбрали хорошей пунктъ и освѣщеніе, и нарисовали-бы, по мѣрѣ силъ, грустную и величественную царицу лѣсовъ туманнаго сѣвера. Но увы! этой великой радости не суждено испытать мнѣ безцѣльному. Самая горькая отравка нашего моральнаго бѣтїа это безнадежность, и эту жестокую отраву я вполне чувствую.

Прощь! прощь! змїя лютая, ненасытная хоть на одинъ часъ, пока бесѣдую съ тобою, друже мой милый! друже мой единый!

Первое твое письмо прочиталъ я и не мало удивился, что ты пъ немъ ничего не вспоминаешь о моей просьбѣ, а это вышло потому, что ты не читалъ моего письма отъ 5-го февраля, а я читалъ твое письмо и не посмотрѣлъ, что оно писано 20 февраля. Слова то, какъ говорить Крыловъ, я и не замѣтилъ, да едурю и задаю себѣ вопросъ, чтобы это могло значить. Во второе твоемъ письмѣ я прочиталъ, что ты получилъ мое письмо уже на мѣстѣ твоего теперешнего пребыванїя: и слава Богу, какъ ты говоришь. Письмо твое съ Сигизмунду вѣроятно не застало уже Карла въ Оренбургѣ, потому что и до сей поры не имѣю отъ него никакого извѣстїа. У П... дѣйствительно не оказалось германскихъ книгъ, не оказалось даже денегъ, чтобы купить ихъ: это естественно, человекъ передъ походомъ. А ты до глубины обрадовалъ мое сердце обѣщанїемъ прислать *Кернра* и особенно *Вогдана Залеского*. Благодарю тебя, друже мой милостивый! Благодарю и тебя и за прекрасные пѣсни (*Съвы*: мнѣ особенно понравилось изъ нихъ „*Два слова*“ и „*Экспромтъ*“: если ты съ нимъ въ перепискѣ, то въ каждомъ твоемъ (письмѣ) цѣлуй его за меня всею полнотою моего сердца.

Отъ поэзіи перехожу прямо въ прозу. Что дѣлать! такова жизнь наша. Вотъ въ чемъ дѣло: Пракій просить тебя, чтобы заказать для него въ Екатеринбургѣ лшмовую или тоназовую печатку, для чего и посылается тебѣ это изображенїе, правду сказать, весьма неуклюжее, а потому ты и оставь его втунѣ, а закази такой величины и формы, какъ ты свое послѣднее письмо запечаталъ, съ изображенїемъ лука и колчана на щитѣ, а на верху щита, вмѣсто плема, дворянская корона.

Если просьба эта не будетъ сопряжена съ большими затрудненїями, то, прощу тебя, исполни ее. Есть у меня въ Екатеринбургѣ на гра-

письмомъ заводѣ товарищъ мой, вѣкто Пономаревъ: обратися къ нему, или какъ найдемъ лучше.

Кланяется тебѣ Ираклій и Агата, кланяется тебѣ З. и Н.

Вотъ еще что: если ты не запасся *Каллиомъ*, то совѣтоваль-бы тебѣ выплсать его черезъ Аркадія хоть нѣсколько эпизодовъ: это было для тебя весьма полезно. Я изъ Одессы не имѣю совершенно никакихъ свѣдѣній, а самъ не иду туда потому, что не имѣю адреса. Богарада, пришли ты мнѣ адресъ Аркадія.

Въ послѣднемъ письмѣ П. писалъ мнѣ, что *ojciec prefect* сильно и опасно захворалъ; правда-ли это?

Добрый Л. Ф. ¹⁾ просилъ В. А. ²⁾, чтобы позволить мнѣ написать образъ для здѣшней церкви и мнѣ отказано!

Грустно! невыносимо грустно! При такихъ неудачахъ, я думаю, и величайшій поэтъ откажется отъ всякой надежды на лучшую долю, а мнѣ безталанному и давно можно закрыть глаза для будущаго лучшаго.

Прощай, друже мой вѣрный! да благословитъ Господь всѣ дѣла твои и всѣ намѣренія твои! Не забудь выплсать Оссіяна, опъ кажется есть въ французскомъ переводѣ. Ты теперь его съ наслажденіемъ прочитаешь. Декорація у тебя для Оссіяна превосходная.

Не имѣю больше тебѣ ничего сообщить, друже мой, ни хорошаго, ни худого, окромѣ развѣ, что у меня ни полъ карандаша Фабера не имѣется; а хорошее вотъ что у насъ: прошедшей осенью Ираклій посадилъ на извѣстномъ тебѣ огородѣ нѣсколько вербъ и онѣ теперь зеленѣютъ; лѣтъ черезъ 10 ихъ можно будетъ рисовать, а пока я ограаничиваюсь воображеніемъ, тебѣ-же совѣтую, друже мой, какъ можно болѣе дѣлать этюдовъ съ деревьями. Не упустиай случая, учись, Богъ знаетъ, прійдется-ли другой разъ провести лѣто въ лѣсу.

Какъ-бы я радъ былъ, если-бы хотя къ зимѣ состоялся твой переводъ въ Оренбургъ: я бы себя чувствовалъ меньше сиротою, нежели это я теперь чувствую.

¹⁾ Левъ Фляпповичъ.—М. Т.

²⁾ Василій Алексѣевичъ Перовскій, корпусный командиръ п оренбургскій губернаторъ.—Пр. Бр. З—аго. У г. Чалаго въ письмѣ Бр. Залескаго къ Шевченку (стр. 83) стоитъ почему-то около имени Василій Алексѣевичъ—?—М. Т.

Кланяйся и цѣлуй Аркадія и сына его Бровислава.

Еще разъ прошу тебя на счетъ печатки, а въ отношеніи формы я полагаюсь совершенно на тебя. Еще маленькое условіе, чтобы печатка обошлась не болѣе 10 руб. сер.

Поцѣлуй О. и извини меня передъ нимъ, что я не пишу ему теперь,—въ караулъ гонять.

5.

9 октября. 1854-й годъ.

Вотъ что, мой искренный друже! Мы вообще болѣе или менѣе любимъ извинять свои даже неизвинительные проступки и маскировать ихъ, чѣмъ пошало, лишь-бы казалось правдоподобно. Я тоже человѣкъ, только не маскирую передъ тобою моего долгаго, ничѣмъ неизвинительнаго молчанія, а расскажу тебѣ всю правду, какъ было. Почти вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ прибыла къ намъ и экспедиція Вера, а въ этой экспедиціи (какъ я тебѣ и прошлый годъ писалъ) находится и твой знакомый Н. Данилевскій (который помнить и кланяется тебѣ), а такое явленіе, какъ Д., въ нашей пустынѣ можетъ скружить и по мою голову. Въ продолженіи его пребыванія здѣсь я почти съ нимъ не разлучался. Онъ своимъ присутствіемъ оживилъ во мнѣ одинокомъ давно прожитые прекрасные дни. Теперь, я думаю, ты простишь меня за молчаніе. Вообрази меня нѣсколько дней сряду счастливымъ, и ты, какъ мой самый искренный другъ, простишь меня и въ сердцѣ порадуешься моей мимолетной радості. Д. уѣхалъ теперь на короткое время въ устье Эмбы и я, пользуясь его отсутствіемъ, пишу манегирикъ прекрасному уму и сердцу Н. Д., а впротчемъ все, что мнѣ бы хотѣлось написать тебѣ объ немъ, то это не умѣстилось-бы и на двухъ десятияхъ бумаги, а не то, что на одномъ листѣ, а потому и ограничусь, сказавъ тебѣ, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ; жаль только, что онъ ученый, а то былъ-бы настоящій поэтъ.

Но довольно пока о Д., поговорю о себѣ: съ наслажденіемъ прочталь я твое искренное письмо и душевно порадовался твоей надеждѣ быть переселену въ Оренбургъ, все таки ближе ко мнѣ. С. даже пишетъ мнѣ, что ты оставляешь военное сословіе и дѣлаешься бібліотекаремъ оренбургской публичной бібліотеки. Даль-бы Богъ! я впротчемъ новѣрю только тогда, когда ты мнѣ самъ напишешь. Такъ-ли, или иначе, только

и сердечно желаю, чтобы ты скорѣе переселился въ Оренбургъ. Изъ твоего описанія окрестностей Златоуста я вижу, что тамошніе лѣса совсѣмъ не похожи на осіановскіе лѣса, а болѣе похожи на полярныя, безлюдныя пустыни, величавыя только своимъ простраствомъ.

Милого Богдана ¹⁾ я получаю съ сердечною благодарностію и теперь съ нимъ не разлучаюсь; многіе письма навзустъ уже читаю, одно иногда сердце тяготитъ — нѣкому слушать, нѣкому передавать той прелести, которую заключаетъ въ себѣ поэзія, а одному тяжело носить этотъ избытокъ возвышенныхъ божественныхъ идей. Во всѣхъ отношеніяхъ человекъ необходимъ для человека. Нынѣшнее лѣто прѣбыло сюда нѣсколько человекъ комфирмованныхъ; но лучше было-бъ не видать мнѣ ихъ никогда. Пустота страшная! но Богъ съ нами.

Переводы Совы такъ прекрасны, какъ и его оригинальная поэзія, и я не изъ скромности авторской, а говорю, какъ понимаю вещь. *Катерина* моя не такъ хороша, а слабые не такъ дѣла, чтобы ее переводить, и переводить Совѣ, а впротчемъ онъ можетъ быть это лучше меня знаетъ. *Два слова* — эта идея такъ возвышенно прекрасна и такъ просто высказана у Совы, что Плещеева переводъ хотя и передаетъ идею вѣрно, но хотѣлось-бы изящнѣе стиха, хотѣлось-бы, чтобы стихъ легче и глубже ложился въ сердце, какъ это дѣлается у Совы.

Ты мнѣ обѣщала еще томъ В. З. ²⁾; благодарю тебя, друже мой единый! Что-же я тебѣ пошлю? чѣмъ я съ тобою подѣлюсь? Я здѣсь, по милости Н. читаю постоянно *Новины русской литературы*, и прочиталъ біографію Гоголя, которую ты мнѣ рекомендуешь. Она заинтересовала меня, какъ и тебя, письмами какъ документами, но какъ біографія она не полна ³⁾. Ты мнѣ въ первый разъ говоришь о Горюновичѣ довольно ясно, и я радъ, что ты его наконецъ увидѣлъ съ настоящаго пункта. Какъ живописца я его не знаю, а какъ человекъ опъ дрянъ, это я знаю; но Богъ съ нимъ.

¹⁾ Поэзія Богдана Залескаго, на польскомъ языкѣ. — Пр. Бр. З—аго.

²⁾ Богдана Залескаго. — Пр. Бр. З—аго.

³⁾ Дѣло ядуть, очевидно, объ «Отытѣ біографій Гоголя» П. М. (т. с. П. А. Кулиша) въ «Современникѣ». — М. Т.

Одескіе событія и на много нашего Аркадія имѣли вліяніе, а въ томъ числѣ и на меня, разумѣется косвенно; я впротчемъ еще и *цыгана* ¹⁾ не промоталъ, слѣдовательно до нужды еще далеко, а онъ то бѣдный, какъ видно, въ порядочныхъ тискахъ. Когда будешь писать ему, не забудь поцѣловать его за меня.

И такъ опоздалъ теперь съ своимъ письмомъ, что не знаю куда и адресовать. Теперь уже осень и я тебя воображаю въ Оренбургѣ, а ты можешь быть еще въ богословскомъ заводѣ: что дѣлать, не знаю. Во всякомъ случаѣ я адресую на имя оіеа prefecta, и когда ты уже въ Оренбургѣ и Карлъ тоже, то прошу тебя, поторонися выслать то, о чемъ я тебя просилъ, кромѣ влатья, поторонися потому, что къ намъ тяжелая почта приходитъ въ послѣдній разъ въ октябрѣ. Если не успѣешь, то отложи до марта. Сигизмундъ ²⁾ прислалъ мнѣ 6 карандашей Фабера № 2, и онѣ лежатъ у меня безъ употребленія. Не забудь, что карандаши мои въ карманѣ въ пальто, тамъ-же въ карманѣ есть еще двѣ гравировальные иглы и два куска чорнаго лаку для натиранія мѣдной доски; ихъ тоже пришли.

Правдѣю кляннется тебѣ и проситъ тебя не забыть о печати, и и о томъ-же прошу тебя; ты стигъ меня заставивъ долго и искренно благодарить тебя.

Агата тоже тебѣ кляннется: эта прекраснѣйшая женщина для меня есть истинная благодать Божія. Это одно, единственное существо, съ которымъ я увлекаюсь иногда даже до возни. Слѣдовательно я болѣе или менѣе счастливъ; можно сказать, что я совершенно счастливъ; да и можно-ли быть иначе въ присутствіи высококонтрастной и физически прекрасной женщины? Она тебя помнитъ и воспоминаетъ о тебѣ часто съ удовольствіемъ.

Что-же мнѣ еще написать тебѣ, друже мой единственный! Ничего не напишу, чтобы не испортить письма какою-нибудь грустною мыслию. Не-правда-ли, ни одно письмо мое къ тебѣ не оканчивалось такъ отрадно, какъ это? Великая вещь—сочувствіе ко всему благородному и прекрасному въ природѣ, и если это сочувствіе раздѣляется съ вѣль-бы тѣ

¹⁾ Акварель Шевченка. — Пр. Бр. З. ago.

²⁾ Сѣраковскій. — Тоже.

не было, тогда человекъ не можетъ быть не счастливъ. Если будешь писать Совѣ, то поцѣлуй его за меня и пожелай ему много-много возвышенныхъ мыслей и стиховъ.

А если ты теперь въ Оренбургѣ, то поцѣлуй за меня руку о҆са prefecta и поцѣлуй много моего и добраго Цейзика. Сигизмунду я пишу теперь-же.

Не забывай меня, друге мой единственный.

(Продолженіе будетъ).